

Bibliography

1. American Heritage Dictionary of the English Language, 4TH Edition, 2001.
2. Tullies Graham, Trappe Tonya. New Insights into Business, Pearson Education. – England, 2006.
3. Kurtz Lester. Encyclopedia of Violence. – San Diego: Academic Press, 1999.
4. Rosenberg, M. The language of life. Nonviolent communication. – М.: Sofia, 2009.
5. <http://en.wikipedia.org>

УДК 81'23

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ» И «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ»

И. С. Антонова

Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, г. Москва, Россия

ABOUT THE RELATIONSHIP BETWEEN CONCEPTS «LINGUISTIC CONSCIOUSNESS» AND «PROFESSIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS»

I. S. Antonova

First Moscow State Medical University named by I. M. Sechenov, Moscow, Russia

Summary. The article discusses some aspects of professional verbal consciousness which is viewed as a part of verbal consciousness in general. We assume that professional verbal consciousness has its own specificity, which includes professional semantic fields of one and the same professional sphere as well as models of consciousness which externalize specific conscious images.

Keywords: psycholinguistics, verbal consciousness, professional verbal consciousness, models of consciousness.

Такие понятия, как «сознание», «языковое сознание» и «образ мира» становятся предметом многих психолингвистических исследований. Однако различные аспекты феномена языкового сознания, в том числе профессионального языкового сознания требуют уточнения и расширения. Необходимостью целенаправленного изучения и сравнения данных понятий обусловлена актуальность нашей работы.

Проблемы взаимоотношения языка и сознания, сознания и мышления, языка и культуры трактуются учеными с различных научных и методологических позиций. Анализ основных парадигм решения данной проблемы разными учеными (Э. Сепир, А. А. Потебня, Л. В. Щерба, Г. Г. Шпет, Л. В. Выготский, А. Н. Леонтьев, Н. И. Жинкин, А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин, Н. В. Уфимцева и др.) позволяет сделать вывод о сложности понятия «языковое сознание». Несмотря на многочисленные исследования данной области на современном этапе преждевременно говорить о наличии единой целостной теории языкового сознания. Способы анализа языкового сознания сводятся к анализу форм его овнешнения, одной из которых (наиболее удобной и доступной) является язык.

Сущность языка выявляется в его двуединой функции: служить средством общения и орудием мышления. Сознание и язык образуют единство, в своем существовании они предполагают друг друга – язык есть непосредственная действительность мысли, сознания. Сознание не только выявляется, но и формируется с помощью языка. Связь между сознанием

и языком не механическая, а органическая. Их нельзя отделить друг от друга, не разрушая того и другого.

Как отмечает О. Л. Каменская, язык – не только средство приобретения и передачи знаний, но также опредмечивание знаний в особой структуре, определенная жизненная форма, так что использование языка есть использование определенной стратегии ориентации в мире, определенной интерпретации человеческой среды, определенной схемы поведения [4, с. 106]. В этом плане каждый язык отражает определенный способ восприятия и организации мира и выступает как система социальных ориентиров, необходимых для деятельности человека в окружающем его мире; т. о. языковое сознание является особой разновидностью освоения мира.

А. А. Леонтьев сопоставляет понятие «языковое сознание» с понятием «образ мира» и определяет последнее как «отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [7]. Он указывает, что образ мира многомерен, как сам мир, а знание о мире неразрывно с нашей деятельностью в мире.

Явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой. Образ мира, в свою очередь, является основной компонентой культуры и содержит в себе все существенные с точки зрения данной культуры знания, необходимые для адаптации каждого ее члена к окружающей природной и социальной среде [13, с. 205]. Такой подход соотносим с позицией Л. Н. Гумилева, который полагал, что культура есть система сознания, связанная с определенной этнической системой, и соответственно, изучение этнического сознания в его языковой форме дает возможность раскрыть особенности образа мира, присущего представителям того или иного этноса. При этом, «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [7]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что национальный образ мира представляет собой универсальную форму организации знаний каждого народа, которые отражают особенности мировоззрения его представителей и меняются от одной культуры к другой. Язык при этом трактуется как основная часть культуры, основной инструмент ее усвоения, носитель ее специфических черт.

Е. Ф. Тарасов определяет языковое сознание как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей. Главное в этой дихотомии «сознание и язык», естественно, сознание [10, с. 24]. И если в 1993 термины «сознание» и «языковое сознание» отождествлялись Е. Ф. Тарасовым как эквиваленты «для описания одного и того же феномена – сознания человека» [12], то определение, данное в 2000 году, дифференцирует эти понятия. Таким образом, Московская школа психолингвистики рассматривает языковое сознание как составную часть сознания вообще. Языковое сознание Е. Ф. Тарасов связывает с образами сознания как совокупностью перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира, которые требуют овнешнений, достигнутых для стороннего наблюдателя. Эти ов-

нешения необходимы для «передачи» образов сознания от одного поколения другому [11, с. 10].

Язык служит системой ориентиров в предметном мире, мы используем его для собственной ориентировки и для ориентировки других людей. Ведь общение, коммуникация, как подчеркивает А. А. Леонтьев, это в первую очередь не что иное, как способ внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника. Чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять единое или сходное понимание реальности. И наоборот: единство понимания реальности и единство и согласованность действий в ней имеют своей предпосылкой возможность адекватного общения [7, с. 272].

Для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали общностью знаний об используемом языке, а также общностью знаний о мире в форме образов сознаний. Причину непонимания в ситуации межкультурного общения психолингвисты видят, таким образом, именно в различии национальных сознаний коммуникантов, а не в различии языков. Любой диалог культур реально протекает только в сознании носителя конкретной культуры, которому удалось постигнуть образы сознания носителей другой (чужой) культуры в ходе рефлексии над различиями квази-идентичных образов своей и чужой культур [11, с. 9].

Поиск национально-культурной специфики языкового сознания задает статус самого сознания: оно рассматривается как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной форме, а также как средство познания своей культуры. Онтологией исследования языкового сознания является межкультурное общение носителей разных культур, сопровождаемое неизбежными коммуникативными конфликтами (конфликтами неполного понимания) из-за недостаточной общности сознаний [14, с. 3].

Специфика общения при использовании конкретного национального языка состоит 1) в специфике построения речевой цепи, осуществляемого по грамматическим правилам этого языка; и 2) в специфике образов сознания, отображающих предметы конкретной национальной культуры. Следовательно, для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали 1) общностью знаний об используемом языке (и общностью навыков речевого общения), а также 2) общностью знаний о мире в форме образов сознаний. Таким образом, по мнению Е. Ф. Тарасова, для анализа проблем взаимопонимания (непонимания) в межкультурном общении целесообразно проблему «общения носителей разных национальных культур» понимать как проблему «общения носителей разных национальных сознаний» [11, с. 8].

Е. Ф. Тарасов делает важный вывод: нет одинаковых национальных культур, более того, нет одинаковых образов сознания, отображающих одинаковые или даже один и тот же культурный предмет. Если бы даже культурный предмет был перенесен из одной национальной культуры в другую, то, следовательно, чувственный образ должен был бы быть одинаковым, но этого не происходит, т. к. для его формирования используются не только перцептивные данные, полученные при чувственном восприятии этого предмета, но и априорные знания (перцептивные эталоны), содержащие концептуальные, культурные по природе, знания. Умственный образ этого предмета (перенесенного из одной культуры в другую) всегда несет в себе элементы национально-культурной специфики.

Следовательно, новые знания при постижении чужой культуры формируются познающим только тогда, когда он побуждается к этому не-

обходимостью искать различия между образами своей и чужой культур и выяснять суть этих различий, а это происходит в случае, когда познаваемый образ воспринимается как чужой, еще сохраняющий нечто непознанное. При таком способе познания чужой культуры нужно помнить, что новые знания о ней формируются (конструируются) из старых знаний субъекта анализа [11, с. 19].

Знание как феномен культуры обладает своими закономерностями развития, связанными как с общим процессом познания, так и с теми формами организации и осмысления действительности, которые вырабатываются культурой. Это, прежде всего, формы категориально-семантического строения знания, связанные со структурами восприятия и осмысления пространства, времени, движения, причинно-следственных связей [9, с. 5]. Культура каждого вида профессиональной деятельности выдвигает свои способы организации знания. Изучив правила построения знаний в профессиональной культуре, можно более адекватно распознать ценностно-смысловую структуру профессионального сознания.

В методологическом подходе профессиональное сознание выступает, прежде всего, как деятельностно организованное сознание. Важнейшей его характеристикой становится не просто наличие реальной рефлексии, но ее двойная, разновекторная направленность. «Кто бы и когда бы ни действовал, – отмечал Г. П. Щедровицкий, – он всегда должен фиксировать свое сознание, во-первых, на объектах своей деятельности – он видит и знает эти объекты, а во-вторых, на самой деятельности – он видит и знает себя действующим, он видит свои действия, свои операции, свои средства и даже свои цели и задачи» [16 – цитата по работе Е. И. Исаева].

Проблема развития и формирования профессионального сознания должна рассматриваться в единстве трех оснований бытия человека, представляющих собой целостную модель любого профессионализма: деятельность, сознание, общность. Так, профессиональная деятельность – всегда сознательна и совместна (осуществляется в сообществе); профессиональное сознание – деятельностно и интерсубъективно (существует и возникает в сообществе); профессиональная общность обусловлена включенностью субъектов в совместную коллективно-распределенную деятельность, которая основывается на сознательном позиционном самоопределении каждого [3].

Структура профессионального сознания задается посредством репрезентации профессии. В качестве важнейшего элемента такой структуры рассматривается образ профессии, который включает в себя следующие компоненты: цели профессиональной деятельности – отражение в сознании специалиста социального смысла данной профессии, ее значения для общества; средства, используемые профессионалом для реализации своих функций; профессиональная предметная область – знание круга явлений предметного мира, с которым оперируют представители данной профессии. Образ профессии представляет собой целостное отображение основного содержания профессии [1].

Е. А. Климов указывает на то, что в мире профессий в качестве очень важного выступает не общее, не то, что сходно у разных людей, а особенное и уникальное (единичное). Ученый подчеркивает, что образов мира столько же, сколько людей, и именно профессионально трудовая деятельность является одним из факторов типизации этих образов, их большего или меньшего сходства у разных людей как субъектов труда [5].

Отличие восприятия профана и профессионала заключается не в том, что профессионал видит большее число признаков объекта, а в том, что иначе их организует [6].

Р. М. Фрумкина отмечает, что «профессионал потому и профессионал, что существенные для его деятельности объекты представлены в его памяти в виде гештальтов (*образов*). Далее он может сделать следующий шаг: попытаться экстериоризировать свое понимание, т. е. сделать явной для других лиц композицию признаков, на которой сам он интуитивно основывался, умозаключая о сходствах или различиях. Чтобы быть экспертом, профессионал должен уметь на этом шаге вербализовать свое чутье, т. е. вывести свой гештальт вовне» [15, с. 96].

Становление субъекта профессиональной деятельности происходит в учебно-профессиональном сообществе, которое становится средой развития способностей к рефлексии и целеполаганию, обеспечивающих организацию личностной и предметной позиции. В учебно-профессиональном сотрудничестве субъект получает возможность приобщения к опыту подлинно профессиональной деятельности (например, деятельности *медика, врача*) как необходимого условия смыслообразования, проблематизации и обретения способности к воспроизведению соответствующих форм сознания [2; цитата по работе Е. И. Исаева].

Профессиональное сознание формируется посредством определенных языковых средств, так как они обеспечивают соответствующую коммуникацию в системе общения специалистов. Овладение соответствующим языком профессиональной коммуникации становится возможным по мере выявления и осознанного освоения предметного содержания профессии и обеспечивает переход будущего специалиста от обыденного – к профессиональному сознанию [8].

Профессиональное языковое сознание определяется нами как особое (профессиональное, в отличие от обыденного) видение мира, формируемое и овнешняемое с помощью профессионально маркированных языковых средств.

Профессиональное сознание обладает определенной спецификой по сравнению с обыденным сознанием, которая включает, во-первых, определенную предметную область с профессионально ориентированными языковыми средствами; во-вторых, образы сознания, содержание которых отображают концептосферу профессиональной культуры.

Работ, посвященных описанию профессионального языкового сознания, не так много (хочется выделить исследования по изучению корпоративной культуры, проводимые под руководством Е. В. Харченко), тем не менее, данное направление является очень перспективным, поскольку расширяет представление о воздействии фактора профессии на языковое сознание индивида и может представлять интерес не только для лингвистов, психологов и методистов, но и для широкого круга лиц.

Библиографический список

1. Зиброва С. В. Профессиональное сознание: репрезентация и образ профессии (социально-философский анализ). Автореф. ... к. философ. н. – Красноярск, 1999. – 18 с.
2. Иванов В. П. Человеческая деятельность. Познание. Искусство. – Киев, 1977.
3. Исаев Е. И. и др. Становление и развитие профессионального сознания будущего педагога // HR-Portal: Сообщество HR-Менеджеров // <http://www.hr-portal.ru>.
4. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. – М.: Высшая школа, 1990.
5. Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях: Учеб. пособие. – М.: Изд. МГУ, 1995. – 224 с.

6. Кудрук Г. Н. Отражение образа профессионала в языковом сознании: диссертация ... к. ф. н.: 10.02.19. – Челябинск, 2008. – 243 с.
7. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.
8. Нечаев Н. Н., Резницкая Г. И. Формирование коммуникативной компетенции как условие становления профессионального сознания специалиста // Вестник УРАО. – 2002. – № 1.
9. Парахонский Б. А. Язык культуры и генезис знания. – Киев, 1988.
10. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.
11. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 7–22.
12. Тарасов Е. Ф. О формах существования сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: ИЯ РАН, 1993. – С. 86–97.
13. Уфимцева Н. В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура / отв. ред. Н. В. Уфимцева, Т. Н. Ушакова. – М.: ИЯ РАН, 2005. – С. 205–215.
14. Уфимцева Н. В. Ассоциативный тезаурус русского языка как модель языкового сознания русских // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2004. – С. 177–188.
15. Фрумкина Р. М. Психолингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 320 с.
16. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. – М., 1997.

Bibliography

1. Zibrova S. V. Career consciousness: representation and the image of the profession (socio-philosophical analysis). Summary ... of the candidate of philosophical sciences. – Krasnoyarsk, 1999. – 18 p.
2. Ivanov V. P. Human activity. Cognition. Art. – Kyiv, 1977.
3. Isaev E. I. etc. The formation and development of professional consciousness of future teachers. <http://www.hr-portal.ru> © 2004-2010, HR-Portal: Community of HR-Managers.
4. Kamenskaya O. L. Text and communication. – М.: Higher School, 1990.
5. Klimov E. A. The image of the world in diverse professions. – М.: MSU, 1995. – 224 p.
6. Kudruk G. N. Reflection image of a professional in the linguistic consciousness: the dissertation ... of the candidate of philosophical sciences: 10.20.19. – Chelyabinsk, 2008. – 243 p.
7. Leontiev A. A. Fundamentals of psycholinguistics. – М.: Smysl, 1999. – 287 p.
8. Nechaev N. N., Reznitsky G. I. Forming the communicative competence as a condition of professional consciousness of specialist // Vestnik URAO. – 2002. – № 1.
9. Parakhonsky B. A. Language and Culture of the genesis of knowledge. – Kyiv, 1988.
10. Tarasov E. F. Actual problems of analysis of language awareness // Language consciousness and the image of the world / ed. N. V. Ufimtseva. – М.: IYA RAN, 2000. – P. 24–32.
11. Tarasov E. F. Intercultural communication – new ontology analysis of language awareness // Ethno-cultural specificity of language consciousness / ed. N. V. Ufimtseva. – М.: IYA RAN, 1996. – P. 7–22.
12. Tarasov E. F. On the forms of consciousness // Language and consciousness: a paradoxical rationality. – М.: IYA RAN, 1993. – P. 86–97.
13. Ufimtseva N. V. Archaeology linguistic consciousness: the first results // Language. Consciousness. Culture / ed. N. V. Ufimtseva, T. N. Ushakova. – М.: IYA RAN, 2005. – P. 205–215.
14. Ufimtseva N. V. Associative thesaurus of the Russian language as a model of language consciousness Russian // Language consciousness: theoretical and applied aspects / ed. N. V. Ufimtseva. – М.: IYA RAN, 2004. – P. 177–188.
15. Frumkina R. M. Psycholinguistics. – Moscow: Publishing centre «Academia», 2003. – 320 p.
16. Shchedrovitskiy G. P. Philosophy. Science. Methodology. – М., 1997.